

32
6889

ВОСПОМИНАНІЯ АРАКЧЕЕВЦА



1869—1875.

Звѣдникъ С.
К. С. В—в.

Цѣна 25 коп.

ТИФЛИСЬ.

Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.
1913.

40.21.7.422₂

40.21.7.422₂



ВОСПОМИНАНІЯ АРАКЧЕЕВЦА

1869—1875

К. С. З—ъ.

Цѣна 25 коп.



ТИФЛИСЪ.

Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.

1913.



Намъ кажется, что всякое хотя бы незначительное по содержанію воспоминаніе о томъ учебномъ заведеніи, гдѣ прошло наше дѣтство и часть юношескихъ лѣтъ, имѣетъ цѣнность, какъ матеріаль, при составленіи историческаго очерка этого заведенія. Добросовѣстный составитель жизнеописанія отдѣльнаго лица съ удовольствіемъ пользуется каждою лишнею подробностью появляющеюся въ печати о томъ, чей образъ онъ желаетъ обрисовать. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія всякая замѣтка, въ которой такъ или иначе отражается бытовая сторона прошлой жизни заведенія. Чѣмъ большее число воспитанниковъ кадетскаго корпуса дадутъ для того матеріаловъ, хотя бы отмѣченныхъ разными воззрѣніями на одни и тѣ же событія, тѣмъ яснѣе и подробнѣе возстанетъ передъ нами прошлый бытъ корпуса. Какъ изъ разрозненнаго, въ безпорядкѣ сложеннаго и съ разныхъ сторонъ свезеннаго матеріала вырастаетъ основательное зданіе, такъ изъ официальныхъ документовъ, дневниковъ и воспоминаній питомцевъ вырастаетъ стройный и цѣлый

обликъ ихъ школы, которая выпустила на арену жизни тысячи дѣятелей. Первоначальная школа вліяетъ на складъ нашего духовнаго облика, на который съ годами, какъ уже на готовую почву, ложатся опытъ жизни и все послѣшкольное развитіе. Бывшіе кадеты, расходясь по разнообразнымъ отраслямъ государственной жизни, какъ дѣятели и работники, занимая всевозможныя должности и служебныя положенія, несомнѣнно отражаютъ въ своей дѣятельности присущій имъ складъ. Новгородскій кадетскій корпусъ, временно именовавшійся Нижегородскою военною гимназіею и нынѣ вновь Нижегородскій кадетскій корпусъ, старѣйшій изъ провинціальныхъ корпусовъ, за 75 лѣтъ своего существованія сдѣлалъ 70 выпусковъ кадетъ, окончившихъ курсъ корпуса, и передалъ свыше двухъ съ половиною тысячъ юношей въ разныя спеціальныя военныя училища.

Воспоминанія мои о шестилѣтнемъ пребываніи въ Нижегородской военной гимназіи будутъ отрывочны и непослѣдовательны. О, если бъ молодость знала, а старость бы могла!—Къ сожалѣнію, поверхностное, а подчасъ легкомысленное отношеніе, свойственное ранней молодости ко многому, серьезное значеніе чего начинаешь понимать и сознавать лишь впослѣдствіи,—не способствовало своевременному сохраненію мною ка-

кихъ либо вещественныхъ воспоминаній объ этомъ прошломъ. То же небольшое, которое оставалось, какъ то: фотографическія карточки товарищей, воспитателей, учебныя тетрадки, письма кадетъ, сочиненія тѣхъ лѣтъ и тому подобное—погибли случайно при одной изъ катастрофъ моей жизни. Протекшія 30 слишкомъ лѣтъ съ того времени въ значительной степени затерли многія подробности, хотя всегда памятнаго милаго отдаленнаго прошлаго. Странные капризные изгибы памяти, утративъ почему то однѣ болѣе существенныя событія и лица, оставили съ поразительною точностью и ясностью представленія о другихъ менѣе серьезныхъ.

Въ августѣ 1869 года не безъ страха и волненія, проливъ предварительно не мало слезъ, на одиннадцатомъ году отъ роду, я былъ привезенъ изъ Казани, мѣста моей родины, въ Нижній Новгородъ для вступительнаго экзамена въ первый классъ Нижегородской военной гимназіи. Будучи младшимъ въ многочисленной семьѣ, я состоялъ тамъ на правахъ маменькина любимчика и былъ порядочно избалованъ. Привязанность къ матушкѣ и къ дому, да неисцѣлимая пріязнь къ приключеніямъ съ пріятелями изъ уличныхъ мальчишекъ на постоянный ужасъ моей матери, любовь гонять голубей и бѣгать взапуски

на одномъ конькѣ по замерзшимъ лужамъ— на столько наполняли мое настоящее, что никакой перемѣны въ немъ я не желалъ. Мое дѣтское воображеніе не плѣнялось картинами военной жизни и я видимо обладалъ болѣе мирными склонностями, чѣмъ воинственными, хотя иногда и бѣгалъ украдкой посмотрѣть на процвѣтавшіе тогда кулачные бои въ Казани. Одинъ изъ моихъ братьевъ уже учился въ Нижегородской военной гимназіи и въ 1869 году, когда я долженъ былъ туда поступить, онъ находился въ третьемъ классѣ, гдѣ оставался по малоуспѣшности на второй годъ. Пріѣзжая на лѣтнія каникулы въ Казань, братъ очень гордился передъ нами своимъ военнымъ мундирчикомъ и ловкимъ отдаваніемъ чести офицерамъ. Не по годамъ физически развитой и очень сильный, онъ внушалъ всѣмъ этимъ мнѣ уваженіе и страхъ къ нему, но такой же страхъ одолѣвалъ мною при мысли о томъ невѣдомомъ мнѣ заведеніи, куда, я зналъ, рано или поздно я долженъ попасть. Разказы же брата о корпусѣ еще болѣе пугали меня, такъ какъ они исключительно говорили о томъ, какъ тамъ дерутся. Матеріальное положеніе моей овдовѣвшей матери ускорило мое отправленіе въ Нижній; заслуги же моего покойнаго отца, дававшія мнѣ право учиться въ военной гимназіи на казенный счетъ, рѣшили

окончательно выборъ заведенія. Выдержавъ вполнѣ успѣшно приѣмный экзаменъ, я 28 августа 1869 года поступилъ въ I-й классъ Нижегородской военной гимназіи. Я смутно помню тѣ горькія чувства, съ которыми я, впервые оторванный отъ матушки, остался одинокимъ среди множества чуждыхъ мнѣ воспитанниковъ, моихъ будущихъ товарищей на протяженіи шестилѣтняго совмѣстнаго ученія, но хорошо помню, что долго не могъ утѣшиться. Понимая дѣтскимъ инстинктомъ, что я не встрѣчу сочувствія, а скорѣе насмѣшку, если стану плакать или выражать тогдашнія мои чувства передъ воспитанниками, я замкнулся въ себя, сдѣлавшись угрюмымъ и непривѣтливымъ по наружности, между тѣмъ какъ въ душѣ мнѣ хотѣлось бы довѣрить кому нибудь первое горе въ моей дѣтской жизни. И вотъ бывало по ночамъ, плотно закрывшись съ головой одѣяломъ, я слезно убивался надъ своею горькою участью и надъ тою жестокою необходимостью, которая заставила мою мать отдать меня въ гимназію. Не разъ даже созрѣвала мысль написать домой просьбу взять меня обратно, но боязнь огорчить матушку такимъ поступкомъ удерживала меня отъ того. Я долго не могъ сойтись съ товарищами, которые косо смотрѣли на меня не только изъ за моей угрюмости, но еще и потому, что меня посѣщаль

братъ, считавшійся силачемъ у себя въ третьемъ классѣ. Опасенія, что я способенъ въ случаѣ обиды пожаловаться такому надежному заступнику, вызвали неблагопріятныя ко мнѣ отношенія товарищей. Между тѣмъ мой наружный весь видъ не только подзадоривалъ къ тому, чтобы высмѣивать меня, но и возбуждалъ большое желаніе у многихъ выразить это руками или вообще какими нибудь школьными продѣлками надо мною. Моя коротко остриженная голова продолговатой формы съ высоко выдающимся теменемъ походила на яйцо, а ноги, отъ дурно усвоенной привычки или, быть можетъ, отъ послѣдствій англійской болѣзни, смѣшно выворачивались при ходѣ больше носками другъ къ другу, чѣмъ пятками. Эта косолапость была мнѣ очень досадна, вызывая со стороны воспитанниковъ названія „медвѣженка“, „утки“ и „раскаряки“. Я частенько получалъ такъ называемую „подножку“, растягивался на полу, ушибаясь, а главное не успѣвая усмотрѣть, кто мнѣ такъ ловко подставилъ ногу. По головѣ я получалъ „кукуньки“, причинявшія такую боль, что изъ глазъ сыпались искры. „Кукунька“ заключалась въ сильномъ отрывистомъ на отмахъ скользящемъ по головѣ ударѣ средними косточками пальцевъ зажатаго кулака. Наиболѣе ловкіе въ дава

ніи „кукунекъ“ иногда держали пари на булку, отдавая ее тому, кто терпѣливо выносилъ условленное число „кукунекъ“ на своей головѣ. Вскорѣ мои натянутыя взаимныя отношенія неожиданно разрѣшились тѣмъ, что ко мнѣ однажды подошелъ товарищъ, считавшійся въ нашемъ классѣ силачемъ О—й и спросилъ громко: „видалъ ли я иллюминацію“. Довѣрчивый мой отвѣтъ: „нѣтъ, большой иллюминаціи не видалъ“—вызвалъ съ его стороны внезапный ударъ, отъ котораго у меня вспухъ подъ глазомъ хорошій синякъ. О—ій при общемъ хохотѣ самодовольно удалился, а я побѣждалъ жаловаться брату. Послѣдній, внимательно выслушавъ, объяснилъ, что онъ, конечно, можетъ жестоко отколотить моего обидчика, но мнѣ это послужить во вредъ, такъ какъ я прослыву ябедникомъ и тогда всѣ отъ меня отвернутся, меня стануть преслѣдовать, устраивать неожиданныя истязательства, а жизнь моя въ классѣ сдѣлается невыносимою. По мнѣнію брата, я долженъ самъ ближайшій разъ отомстить О—у, пренебрегая тѣмъ, что, вѣроятно, буду сильно побить. Вдохновленный такимъ рѣшительнымъ наставленіемъ, я отчаянно сцѣпился съ О—мъ и хотя очень пострадалъ, но за то далъ почувствовать ему и всѣмъ прочимъ, что могу драться и защищать себя не хуже другихъ. Съ этого дня

меня перестали назойливо дразнить и день за днемъ я вошелъ въ товарищескія отношенія съ классомъ. Когда же я проявилъ въ занятіяхъ ариеметикою хорошія способности къ этому предмету, то преподаватель П. А. Келеинъ, погладивъ по смѣшно выдающемуся теменю моей головы, сказалъ, что это математическая шишка, а потому я и долженъ быть хорошимъ математикомъ. Съ этихъ поръ меня перестали бить по головѣ и видимо ея форма уже не служила постоянною мишенью для насмѣшекъ. П. А. Келеинъ угадалъ и его предсказаніе вполнѣ оправдалось. Математика, наравнѣ съ исторіею, сдѣлались моими излюбленными предметами, по которымъ я имѣлъ всегда отмѣнные баллы. Гимнастика, которою я сталъ заниматься съ большимъ увлеченіемъ, выравнила постепенно мой недостатокъ въ походкѣ и тѣмъ отняла послѣдній предлогъ у насмѣшниковъ. Гимназія и весь ея бытъ мало по малу овладѣли мною, я вполнѣ освоился съ моимъ положеніемъ и даже къ концу учебнаго года предводительствовалъ кружкомъ товарищей.

Въ наше время физическая сила и ловкость среди военныхъ гимназистовъ весьма почитались. Старшій классъ состоялъ еще изъ кадетъ переведенныхъ изъ Новгородскаго корпуса; они иначе себя и не называли, какъ кадеты; младшіе

же классы называли ихъ всегда кадетами да и вообще, насколько я помню, это слово мы прилагали и къ намъ самимъ, не употребляя совершенно наименованіе другъ друга гимназистами. Мы взирали на новгородскихъ кадетъ съ дѣтскимъ наивнымъ почтеніемъ, уваженіемъ и удивленіемъ. Разные рассказы, въ значительной степени плодъ досузей фантазіи, о необычайныхъ примѣрахъ проявленія силы и ловкости этими кадетами преувеличенно передавались другъ другу, вызывая среди насъ стараніе имъ подражать во всемъ, начиная съ особо усвоенной ими развалистой походки. Вообще, въ гимназіи любовь къ гимнастикѣ была большая и эта отрасль занятій числила въ себѣ не мало замѣчательно ловкихъ и смѣлыхъ исполнителей всякаго рода замысловатыхъ акробатическихъ упражненій. Особенно отличались нѣкоторые воспитанники въ прыганьи черезъ деревянную кобылу, причемъ ее не только выдвигали вверхъ сколько допускалъ механизмъ, но еще увеличивали ея высоту товарищами, которые, пригибаясь, ложились одинъ на другого верхомъ на кобылу. Въ свободные часы отъ занятій и по праздникамъ около гимнастическихъ аппаратовъ всегда было сборище воспитанниковъ и каждый старался показать передъ другими что нибудь особенно ловкое и сильное. Считалось

отличіемъ кто дольше провиситъ на мускулахъ одной согнутой руки на лѣстницѣ, при чемъ находились такіе сильные, что къ ихъ ногамъ еще привѣшивался другой. Многіе занимались упражненіями, развивая себѣ ручные мускулы посредствомъ гантелей, а когда это казалось имъ недостаточнымъ, то спускались внизъ на кухню къ Прохору, у котораго таскали гири съ вѣсовъ, гдѣ вѣшалась мука и хлѣбъ. Такое нарощеніе мускуловъ называлось „набиваніе мускуловъ“ и въ спальнѣ по вечерамъ обыкновенно силачи показывали всѣмъ желающимъ свои мускулистыя руки выше локтя, хвастая другъ передъ другомъ величиною этихъ мускульныхъ подушекъ. Игры носили разный характеръ, но предпочитались такого рода, гдѣ былъ или военный оттънокъ или требовались ловкость и сила. Въ классѣ занимались стрѣльбою картофелемъ изъ трубочки гусянаго пера; азартно играли въ стальные перья, перекидывая ихъ нажатіемъ одного на концы другихъ, причемъ расплата производилась булками. Въ старшихъ классахъ мы увлекались шашками и шахматами и тогда около играющихъ собирались кучки любопытныхъ. Въ классовъ играли въ свайку, которую, нѣкоторые сильнымъ размахомъ руки загоняли желѣзнымъ концомъ такъ глубоко въ землю, что съ большимъ трудомъ

удавалось откопать руками головку свайки; это называлось „засадить рѣдку“. Рюхи или городки составляли тоже постоянное наше развлеченіе; здѣсь проигравшіе кромѣ постройки обоихъ городковъ должны были возить на спинахъ побѣдителей. Развита была игра въ лапту, при чемъ, дѣлая твердые черной цѣльной резины мячики, били до синяковъ. Зимой, возводя цѣлыя укрѣпленія изъ снѣга, и раздѣляясь на обороняющихся и нападающихъ, устраивали такія основательныя сраженія, что многіе участники долгое время носили на себѣ слѣды этихъ ожесточенныхъ боевъ. Этого рода здоровымъ развлеченіямъ придавалось такое значеніе начальствомъ, что иногда самъ директоръ, имѣя бѣлую повязку на рукавъ пальто, какъ посредникъ, останавливалъ своевременно увлекающихся, слѣдилъ за правильностью нападенія или обороны и рѣшалъ на мѣстѣ спорные вопросы. Мѣста для игръ и прогулокъ были у насъ обширныя; кромѣ двухъ дворовъ и большого плаца передъ зданіемъ гимназіи воспитанники свободно ходили и по прилегающей къ зданію части берега Волги. Гдѣ нынѣ благоустроенный обсаженный деревьями бульваръ, тогда было нѣчто похожее на пустырь почти безъ растительности. Старинная крѣпостная стѣна и башни, значительно уже разрушенныя временемъ и не

погодами, представляли заманчивое мѣсто для нашихъ таинственныхъ въ нихъ походовъ. Я помню ясно, какъ мы пробирались черезъ кусты бурьяна, проникали съ огарками или самодѣльными факелами въ рукахъ въ нижнюю часть этихъ башень, любясь при скудномъ мерцающемъ свѣтѣ блесками серебристаго снѣжнаго инея, освѣщаго, какъ пыль, на высокихъ потолкахъ этихъ сырыхъ и мрачныхъ подземелій. Необычная фантастическая обстановка волновала наше воображеніе, пугая и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекая насъ. Тутъ же происходило сборище одного нашего общества или союза, цѣль котораго была преслѣдовать среди воспитанниковъ всякое нарушение твердо установленныхъ правилъ товарищества и особенно „фискальство“, то есть манеру жаловаться на товарищей начальству, что почиталось позорнымъ. Здѣсь обсуждались дѣла и постановлялись приговоры самосуда о наказаніи воспитанника за какойнибудь его проступокъ противъ этихъ принятыхъ общихъ правилъ. Конечно образованіе такого общества отчасти было навѣяно вообще расположеніемъ средняго возраста ко всему таинственному волнующему дѣтское воображеніе и чтеніемъ соотвѣтствующихъ книгъ въ родѣ Понсонъ де Террайля, Майнъ-Рида, Купера, Габорио и тому подобное. Нерѣдко по ве-

черамъ тихонько и скрытно отъ начальства мы сходились въ темный не освѣщенный классъ и здѣсь, усѣвшись въ тѣсный кружокъ, передавали другъ другу прочитанные или гдѣ нибудь слышанные страшные рассказы. Искусственно повышенное пугливое настроеніе настолько овладѣвало нами, что нарочно изданный кѣмъ нибудь крикъ въ подходящемъ мѣстѣ рассказа, заставлялъ многихъ бросаться опрометью, давя одинъ другого, изъ класса по темнымъ корридорамъ въ спальни. Тутъ ужъ забывали и о начальствѣ, которое могло обнаружить продѣлку по шуму въ беспорядкѣ бѣгущихъ воспитанниковъ. Возвращаясь къ тому обществу, о которомъ я говорилъ, что оно образовалось для поддержанія духа товарищества, припоминаю то правило, которое долженъ былъ выполнить принимаемый впервые въ него. Слѣдовало разрѣзать осколкомъ стекла или перочиннымъ ножичкомъ ладонь своей руки и, накупивъ въ пригоршню крови, выпить ее. Выдать товарища или донести на кого нибудь начальству считалось среди воспитанниковъ такимъ недостойнымъ поступкомъ, что рѣдко случались тому примѣры, хотя иногда за это расплачивалось цѣлое отдѣленіе оставляемое безъ отпуска или наказуемое другимъ образомъ. Товарищество, перешедшее въ Нижегородскую военную гимназію изъ

Новгородскаго кадетскаго корпуса, поддерживалось между воспитанниками и оставалось, какъ это есть и понынѣ, главною характерною чертою нашего заведенія. Мы всѣ знаемъ, что въ младшемъ классѣ военныхъ училищъ, когда туда соберутся воспитанники изъ разныхъ городовъ, представители каждаго корпуса носятъ свои отличительныя черты и въ нихъ есть нѣчто общее, по которому можно заранѣе безошибочно опредѣлить кто принадлежитъ къ какому корпусу. Если арачеевцы здѣсь выдѣлялись нѣсколько своею прямолинейностью, какъ бы рѣзкостью и даже наружною грубостью, то за то они всегда и вездѣ отличались необычайнымъ духомъ товарищества, сплоченностью, взаимною поддержкою и крѣпкою нравственною связью.

Говоря объ играхъ и развлеченіяхъ въ гимназій, слѣдуетъ упомянуть, что мы любили заниматься разными ручными ремеслами, чему всѣми мѣрами способствовали воспитатели. Особенно процвѣтало токарное искусство и выпиливаніе по узору изъ дерева всякаго рода вещей, которыя, вѣроятно, до сихъ поръ имѣются еще у многихъ изъ нашихъ родныхъ на память отъ бывшихъ кадетъ. Ручныя ремесла всякихъ видовъ, имѣли большой успѣхъ среди воспитанниковъ, наполняя ихъ досугъ. Я убѣжденъ, что у мно-

гихъ изъ насъ сохранившееся здоровое стремленіе не быть никогда празднымъ, безъ всякаго дѣла, въ значительной степени обязано своимъ существованіемъ этому полезному педагогическому приему. Не малымъ развлеченіемъ, но уже другого характера, являлись домашніе спектакли, устраиваемые подъ руководствомъ воспитателя И. Я. Герда, который обучалъ насъ готовить декорации и всѣ прочія принадлежности для театральнаго представленія. Особенное удовольствіе доставляло склеиваніе и выдѣлываніе головъ разныхъ животныхъ для постановки чтенія басенъ Крылова въ лицахъ. Увлеченіе сценическимъ искусствомъ, расширяя его рамки, привлекло къ участію и женъ служащихъ, а постановкою не разъ приглашался завѣдывать извѣстный нынѣ заслуженный артистъ Императорскихъ театровъ К. А. Варламовъ, бывший въ то время уже замѣтнымъ на провинціальной Нижегородской сценѣ. Въ моей памяти ясно возникаетъ его мощная добродушная фигура, кругомъ же толпа маленькихъ воспитанниковъ, среди которыхъ и я, переодѣтые въ длинные еврейскіе лапсердаки съ пейсами и цвѣтными платочками въ рукахъ, пляшутъ какой то танецъ, ударяя другъ друга въ тактъ ладонями рукъ. То былъ мой первый и единственный сценическій опытъ въ жизни. Танцы не

были въ особенномъ почетѣ и среди воспитанниковъ всегда существовала группа, которая упорно и убѣжденно отказывалась учиться этому искусству, находя его ниже своего настоящего кадетскаго достоинства.

Военно-строевыхъ занятій у насъ было очень мало, хотя гимназисты къ нимъ стремились. Въ старшихъ классахъ выдачу ружей радостно привѣтствовали, охотно занимаясь фронтовыми учениями и ружейными приемами. Мы съ большимъ удовольствіемъ смотрѣли на ученіе пѣхотныхъ полковъ на плацу передъ зданіемъ гимназіи. Хорошо знали формы ихъ, фамиліи и качества командировъ, болтали съ солдатами, особенно же восхищались начальникомъ дивизіи небезъизвѣстнымъ генераломъ И. С. Ганецкимъ, будущимъ героемъ Плевны, взявшимъ въ плѣнъ Османъ-пашу въ 1877 году. Его громкій рѣзкій голосъ, воинственная осанка и доброе отношеніе къ намъ располагали насъ къ нему, а въ гимназіи ходили всевозможные легендарные анекдотическіе рассказы объ этомъ старикѣ такомъ строгомъ, но больше по наружному виду. Благодаря тому, что у насъ учился сынъ И. С. Ганецкаго, иногда нѣкоторыхъ воспитанниковъ приглашали въ домъ въ семью генерала и это составляло долго памятное удовольствіе для избранниковъ.

Ежегодно 30 августа въ день тезоименитства Государя Императора Александра II насъ водили осматривать знаменитую Макарьевскую ярмарку, а вечеромъ — въ театръ. Этотъ день такой занимательной и продолжительной прогулки ожидался нами съ большимъ нетерпѣніемъ. Лѣтнее времяпрепровожденіе ускользаетъ изъ моихъ воспоминаній, такъ какъ обыкновенно я уѣзжалъ на каникулы къ матушкѣ въ Казань, но помню, все таки, прогулки за городъ и усиленное собираніе травъ, растений и заботливое къ нимъ отношеніе, чтобы подольше ихъ сберечь, какъ наглядное пособіе на уркахъ ботаники.

Изъ выдающихся событій тогдашней жизни запечатлѣлось въ моей памяти Высочайшее посѣщеніе военной гимназіи Государемъ Императоромъ Александромъ II вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Его, будущимъ Императоромъ Александромъ III и съ Великимъ Княземъ Владимиромъ Александровичемъ. Трудно себѣ представить съ какимъ воодушевленіемъ, восторгомъ, любопытствомъ и дѣтскою несдержанностью мы стремились всѣ окружить тѣсно и близко Государя, высокая и царственная фигура котораго отчетливо выдѣлялась среди его многочисленной блестящей свиты. Начальство наше утратило въ эти минуты Высочайшаго обхода заведенія всякую надъ нами власть.

Когда, я помню, мы проходили въ этой давкъ столовую, то въ дверяхъ одинъ изъ свитскихъ военныхъ, которому я видимо наконецъ надоѣлъ, путаясь около его ногъ, чтобы пробиться ближе къ Государю, сильно потянулъ меня за ухо. Вскрикнувъ отъ боли и уступивъ невольно дорогу, я обернулся и увидѣлъ улыбающагося Великаго Князя Владиміра Александровича, который, глядя на меня, показывалъ добродушно видъ какъ будто не онъ дернулъ за ухо надоѣвшаго ему мальчугана. Упомянутый день отмѣченъ въ лѣтописяхъ корпуса 25 августомъ 1871 года на одной изъ мраморныхъ досокъ, поставленныхъ въ память посѣщенія корпуса Высочайшими Особами

Передавъ о нашихъ развлеченіяхъ и играхъ, слѣдуетъ сказать и о нашихъ шалостяхъ. Онѣ нерѣдко носили жестокій характеръ. Намѣченную жертву валили на полъ и затѣмъ падая другъ на друга, наваливались на провинившагося высокою грудю въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, крича во все горло: „мала—куча!“, „мала—куча“! Задвигали партами воспитанника въ уголъ и безпощадно прижимали къ стѣнѣ, несмотря на его отчаянное положеніе. Выдвигали незамѣтно доски въ головахъ кроватей, вслѣдствіе чего ложившійся спать внезапно проваливался внутрь желѣзнаго остова кровати ногами кверху, а его въ это

время забрасывали подушками. Дѣлали искусно и не замѣтно изъ простыни готовой постели такой мѣшокъ, чтобы нельзя было, ложась, вытянуть ногъ и тогда приходилось передѣлывать снова всю постель. Наконецъ заснувшимъ ставили „гусаровъ“ съ табакомъ или перцемъ. Для этой цѣли приготовлялся небольшой фунтикъ свернутый изъ жесткой бумаги, его засовывали узкимъ отверстіемъ въ ноздрю спящему и сильно вдували въ носъ содержимое, отчего, конечно, пострадавшій приходилъ нерѣдко въ бѣшенство, а его мучители удирали, какъ ни въ чемъ не бывало, по своимъ кроватямъ, притворяясь спящими. Несмотря, однако, на такое грубоватое свойство шалостей между собой, у насъ отсутствовало, напримѣръ, самовольное командованіе старшихъ воспитанниковъ надъ младшими только потому, что они старшіе. Въ нашей средѣ не было того страннаго и вреднаго явленія, которое къ сожалѣнію упорно живетъ въ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ воспитанника старшихъ классовъ позволяютъ себѣ проводить въ жизнь заведенія какое то унизительное неровенство къ своимъ младшимъ товарищамъ, обидни именуя ихъ особыми названіями. Здѣсь укоренились такіе пріемы, что, напримѣръ, старшій воспитанникъ самовольно присвоенною властью за

показавшееся непочтительное къ нему отношеніе младшаго налагаетъ на него наказаніе, заставляя дѣлать безсмысленные повороты на мѣстѣ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, что носить на ихъ названіи „пачки поворотовъ“. Младшіе не могутъ проходить черезъ тѣ нѣкоторыя двери, гдѣ ходятъ старшіе и тому подобныя несообразности, которыя терпѣливо сносятся младшими изъ ложной боязни, однако, поселяя въ умахъ юношей превратное представленіе о дисциплинѣ. Слѣпое повиновеніе чему то граничащему съ самодурствомъ идетъ въ разрѣзъ со здравымъ понятіемъ о существѣ воинской дисциплины, вытекающей изъ разумаго повиновенія и такого же приказанія. Образцовая дисциплина не только не исключаетъ, а напротивъ способствуетъ и даетъ возможность развиваться предпримчивости, сообразительности и иниціативѣ частныхъ начальниковъ, что вмѣстѣ составляетъ силу современныхъ развитыхъ армій. Къ этому печальному явленію присоединяется еще негласно установившійся обычай, что воспитанники нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеній не могутъ пользоваться общераспространеннымъ и принятымъ въ обществѣ способомъ передвиженія по городу въ вагонахъ конной или электрической дороги. Подъ давленіемъ этого воспитанники должны расходовать

сверхъ средствъ или невольно завидовать болѣе богатымъ товарищамъ, не говоря уже о тѣхъ житейскихъ неловкостяхъ, когда воспитанникъ лишается возможности, быть въ обществѣ своихъ родителей только потому, что они не имѣютъ средствъ пользоваться исключительно экипажемъ для передвиженія по городу. Между тѣмъ нашъ офицерскій составъ комплектуется большею частью изъ тѣхъ слоевъ населенія, зажиточность которыхъ не высока. Возрастающая дороговизна жизни и несоразмѣрность съ ея дѣйствительными потребностями современнаго офицерскаго содержанія должны заранѣе приучать будущаго офицера къ скромности житейскихъ привычекъ. Это качество слѣдуетъ прививать воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній также серьезно, какъ доблесть, самоотверженіе и приспособленность къ физическимъ лишеніямъ. Все это необходимо, дабы вынести будущему офицеру успѣшно на своихъ плечахъ кровавое бремя современной войны и чтобы въ мирное время въ головѣ молодого офицера было ясное и здоровое понятіе о чести мундира безъ заносчивости и высокомерія.

Возвращаясь къ моимъ воспоминаніямъ, я обращаю взоръ къ воспитателямъ и учителямъ времени моего пребыванія въ военной гимназіи. Прежде всего вспоминаю почтеннаго Д. Н. Ор-

натскаго, но не какъ учителя русскаго языка, а какъ завѣдывающаго пѣвчими, въ числѣ которыхъ одно время состоялъ и я. Любовное отношеніе Д. Н. Орнатскаго къ намъ помнится мнѣ и теперь. Назначеніе въ пѣвчіе давало преимущества: мы получали лишній разъ чай, булку, иногда увольнялись отъ танцевъ и намъ давали вкусный гоголь-моголь изъ сырыхъ яицъ съ сахаромъ передъ исполненіемъ особо трудныхъ номеровъ пѣнія въ торжественные дни Рождества и Страстной Субботы. Хотя Д. Н. Орнатскій, какъ регентъ, былъ очень требователенъ и устраивалъ иногда по нѣсколько спѣвокъ въ день, но онъ умѣлъ какъ то заставить насъ учиться пѣнію съ большимъ стараніемъ отличиться. Смерть Д. Н. Орнатскаго было одно изъ такихъ крупныхъ событій въ жизни гимназіи, что оно до сихъ поръ помнится вѣроятно не однимъ мною, а многими воспитанниками. Похороны носили задушевно трогательный характеръ, а надгробное слово сказанное нашимъ священникомъ Мегорскимъ еще долго вспоминалось всѣми, такъ оно близко и понятно выразило чувства дѣтей питавшихъ искреннюю привязанность къ покойному. Благодарно вспоминаю моего воспитателя въ теченіи шести лѣтъ І. Ю. Добошинскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ преподавалъ у насъ математику.

Запечатлѣлась у меня красивая, высокая фигура воспитателя К. А. Данчевскаго, добрѣйшаго нашего заступника во всѣхъ грозныхъ послѣдствіяхъ какихъ нибудь изъ ряда вонъ выходящихъ нашихъ шалостей. Ему исключительно мы были обязаны развитіемъ музыкальныхъ вкусовъ, сформированіемъ и руководствомъ оркестра изъ воспитанниковъ, который всегда выступалъ передъ обществомъ собиравшимся на наши танцевальные вечера и удивлялъ прекраснымъ исполненіемъ трудныхъ музыкальныхъ піесъ. Воспитанники такъ любили К. А. Данчевскаго, что приняли по своему желанію дѣятельное участіе въ празднествахъ по случаю его женитьбы на сестрѣ одного изъ нашихъ товарищей Г. Кстати надо сказать, что вообще въ наше время между воспитанниками и семейными воспитателями существовали такіа дружелюбныя хорошія отношенія, что многіе изъ насъ бывали какъ гости, запросто въ домахъ и семьяхъ воспитателей. Эти добрыя знакомства, особенно между молодежью, нерѣдко продолжались по окончаніи курса учебныхъ заведеній, переходя иногда въ серьезныя чувства, приводившія къ браку такъ давно знавшихъ другъ друга молодыхъ людей.

Изъ учителей передо мною встаетъ И. С. Единевскій, который такъ увлекалъ насъ препода-

даваніемъ исторіи, что многіе, благодаря прекрасному и толковому изложенію имъ предмета, сохранили на долго расположеніе къ расширенію своихъ знаній по исторіи и стремленіе къ чтенію серьезныхъ историческихъ книгъ. Система И. С. Единевскаго для облегченія запоминанія хронологіи событій была чрезвычайно наглядна. Каждое столѣтіе изображало изъ себя большой квадратъ раздѣленный на сто квадратиковъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствовалъ году и въ немъ было кратко вписано соотвѣтствующее историческое событіе. Такимъ образомъ заучиваніе годовъ соединялось въ памяти всегда съ представленіямъ въ нашемъ воображеніи опредѣленнаго графическаго рисунка и это крайне облегчало заучиваніе годовъ, что обыкновенно трудно дается многимъ учащимся. Преподаватель русскаго языка И. А. Тарапыгинъ выразительнымъ и занимательнымъ чтеніемъ вслухъ избранныхъ произведеній русскихъ литераторовъ, развивая насъ, вложилъ намъ желаніе заниматься съ любовью русскимъ языкомъ. Подъ этимъ хорошимъ вліяніемъ нѣкоторые изъ воспитанниковъ, увлекаясь литературными вѣяніями, вели свои дневники, писали стихотворенія и прозу. Все это будило нашу мысль, подготавливая почву для зрѣлаго развитія.

Среди упомянутыхъ мною лицъ преподава-

телей и воспитателей занявших прочное мѣсто навсегда въ моей памяти, конечно, самымъ крупнымъ, наиболѣе отчетливо обрисованнымъ образомъ, сохранилась личность директора П. И. Носовича. Мнѣ не случилось встрѣчать въ печати и я не знаю, существуетъ ли біографическій очеркъ этого выдающагося педагога. Между тѣмъ П. И. Носовичъ вполне заслужилъ, чтобы его педагогическая дѣятельность стала бы предметомъ внимательнаго обзора. Будучи первымъ директоромъ Нижегородской военной гимназіи, въ которую преобразился 30 августа 1866 года Новгородскій кадетскій корпусъ, П. И. Носовичъ долженъ былъ сразу работать при очень не легкихъ условіяхъ этой переходной эпохи. Реформа военно-учебныхъ заведеній заключала въ себѣ намеренія измѣнить прежнюю педагогическую систему, усилить вліяніе воспитателей на внутреннюю жизнь воспитанниковъ, облегчить военный режимъ, допустивъ въ гимназіи штатскихъ воспитателей, смягчить исправительныя мѣры, расширить развитіе учащихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ не прерывать связь съ основными преданіями уничтоженныхъ корпусовъ. Эта трудная и сложная задача, на которой отражались вѣянія новой эпохи русскаго общества шестидесятыхъ годовъ, всю тяжестью легла въ нашей гимназіи на П. И.

Носовича. Поспѣшное стремленіе Правительства освободиться отъ тѣхъ недостатковъ, которые укрѣпились въ общемъ складѣ отживающихъ корпусовъ, не смотря на многія ихъ достоинства, привело не только къ измѣненію учебной и воспитательной системы, но вызвало измѣненіе и самаго названія корпусъ на слово гимназія. То была крайность, какъ бы желавшая порвать что то съ прошлымъ, но которой можно было избѣжать, такъ какъ не въ названіи заведенія его сущность. Тѣмъ не менѣе П. И. Носовичъ удачно исполнилъ свою трудную работу и при немъ Нижегородская военная гимназія была во всѣхъ хорошихъ отношеніяхъ пріемственно продолженіемъ Новгородскаго кадетскаго корпуса, принявшаго лишь новыя формы отвѣчавшія тѣмъ назрѣвшимъ требованіямъ времени, которыя предъявила къ военно-учебнымъ заведеніямъ наступившая эпоха.

Мы думаемъ, не безъ достаточныхъ на то основаній, что время управленія П. И. Носовича, было наиболѣе яркимъ въ жизни нашего заведенія, когда оно достигло удачныхъ результатовъ въ сочетаніи умственнаго и духовнаго развитія своихъ питомцевъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что вначалѣ большая часть воспитанниковъ, нѣсколько воспитателей и преподавателей были пере-

даны новому директору изъ Новгородскаго кадетскаго корпуса. Согласовать прошлое съ настоящимъ, одно съ другимъ, было не легко. П. И. Носовичъ, благодаря спокойному, вдумчивому, всегда доброжелательному и любовному отношенію къ дѣлу, настолько овладѣлъ массою воспитанниковъ, что среди многихъ сотенъ бывшихъ его питомцевъ нельзя встрѣтить хоть одного, который сохранилъ бы о немъ какое нибудь непріятное воспоминаніе. Онъ умѣлъ при большой настойчивости, мягко, но упорно провести въ среду воспитанниковъ намѣченныя реформы, предпочитая всегда и вездѣ нравственное воздѣйствіе всѣмъ другимъ мѣрамъ, на которыя онъ какъ директоръ, имѣлъ между тѣмъ обширныя права. Мы его не боялись, но любили и уважали искренно. Чуждый формализма П. И. Носовичъ вдохновлялъ исполнителей своихъ предназначеній тою же любовью къ дѣтямъ, которую онъ питалъ къ нимъ самъ. Посѣщая свое заведеніе во всякое время дня и ночи, онъ входилъ въ нашу жизнь настолько, что принималъ участіе въ рѣшеніи возникавшихъ между нами споровъ, разъясняя тутъ же на мѣстѣ кто правъ изъ насъ. Онъ пользовался каждымъ случаемъ прибавить что нибудь къ нашему развитію, побесѣдовать съ нами, какъ отецъ со своими дѣтьми. Его слегка картавая

манера говорить немного въ носъ не возбуждала въ насъ желанія надъ нимъ посмѣяться, не смотря на склонность этого возраста быстро подмѣчать недостатки у своихъ воспитателей и дѣлать ихъ предметомъ насмѣшки. П. И. не выносилъ лишь лжи, требуя отъ воспитанниковъ говорить всегда правду и мы знали, что какой бы дурной поступокъ не сдѣлать, но стоило доложить о томъ прямо безъ увертокъ Павлу Ивановичу и его гнѣвъ уже не былъ страшенъ. Многими излюбленная формула: „все обстоитъ благополучно“, хотя подъ ней кроется очень много всякаго неблагополучія—не была ему свойственна. Онъ имѣлъ гражданское мужество не скрывать недостатки заведенія, онъ не нянчился съ воспитанниками, желая во что бы то ни стало показать какъ у него все хорошо, какъ дескать мало приходится исключать воспитанниковъ изъ гимназіи, а потому не загромождать заведенія негодными къ ученію дѣтьми, терпя ихъ лишь до поры до времени. Онъ поощрялъ всѣми мѣрами способныхъ, поддерживалъ сверхурочными занятіями малоуспѣшныхъ и всегда зналъ, кто какъ изъ насъ учиться и ведетъ себя. Въ наше время заведеніемъ управлялъ дѣйствительно директоръ, давая полную возможность намъ развиваться, кто того желалъ; въ насъ возбуждали охоту къ

занятіямъ, но не употребляли всякихъ усилій удержать непригодныхъ и воспитанники знали твердо, что они не могутъ диктовать свои желанія и условія начальству. Въ гимназіи царила строгая, но осмысленная дисциплина и она не убивала въ воспитанникахъ личности и не мѣшала образованію самостоятельныхъ и независимыхъ характеровъ. Я убѣжденъ, что при этихъ словахъ многіе вспомнятъ нѣкоторыхъ нашихъ общихъ товарищей Аракчеевцевъ отличавшихся самобытностью, особенно устойчивымъ складомъ характера не только въ военныхъ училищахъ, но и позже въ средѣ офицеровъ. Мы думаемъ, что если офицеру необходимо военное мужество на полѣ брани, то не менѣе того онъ долженъ имѣть мужество смѣло и рѣшительно отстоять, въ рамкахъ допускаемыхъ воинскою дисциплиною, свое правдивое мнѣніе и свое убѣжденіе, клонящееся на пользу одного общаго дѣла. Умѣніе не заглушить, а дать развиваться личнымъ свойствамъ характера воспитанника въ военномъ учебномъ заведеніи чрезвычайно важно, а согласить это съ требованіями воинской дисциплины составляетъ очень трудную задачу здѣсь воспитателя. Но зато только и можно ожидать успѣшныхъ результатовъ въ арміи отъ такихъ офицеровъ, которые сознаютъ свое достоинство, понимаютъ свою за-

дачу, имѣють за собой современныя знанія дѣла, умѣють подчиняться и совершенно незнакомы съ какимъ либо подслуживаніемъ, угодничествомъ и низкопоклонствомъ. Послѣднія качества не должны быть терпимы въ арміи ни сверху, ни снизу. Всегда честное и добросовѣстное исполненіе долга до конца въ мирное и въ военное время, преданность Отечеству, любовь къ дѣлу и постоянному труду въ расширеніи своихъ познаній есть желательный образецъ. Офицеръ долженъ помнить, что армія, а значитъ и онъ, есть плоть и кровь отъ плоти и крови одного общаго народа, къ семьѣ котораго принадлежит и онъ.

Отмѣченная въ свое время дѣятельность П. И. Носовича выдвинула его на постъ директора I-й С.-Петербургской гимназіи, гдѣ онъ остался вѣренъ всегдашнимъ своимъ приемамъ, заслуживъ и здѣсь благодарную память. Лучшимъ доказательствомъ моихъ словъ служить то обстоятельство, что бывшіе его питомцы долго не утрачивали сношенія съ П. И. Носовичемъ, продолжая ихъ не только въ качествѣ юнкеровъ, но и офицеровъ. Многіе пользовались его гостепріимствомъ, добрыми отъ сердца идущими совѣтами и даже весьма значительною матеріальною поддержкою, не смотря на то, что у П. И. не было средствъ

кромѣ содержанія по службѣ и при этомъ онъ имѣлъ свою семью.

Одинъ изъ моихъ товарищей М. по военной гимназіи принималъ участіе нижнимъ чиномъ, уволеннымъ изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, въ Геокъ-тепинской экспедиціи, въ концѣ которой за боевой подвигъ былъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго Ордена съ производствомъ въ офицеры. Онъ мнѣ передавалъ, что встрѣтилъ здѣсь нѣсколькихъ офицеровъ, бывшихъ Аракчеевцевъ, которые, узнавъ о немъ, тотчасъ сами приняли его въ свое общество сочувственно и тепло, по-товарищески отнесясь къ нему, не смотря на разницу служебныхъ положеній, что по тогдашнимъ временамъ не часто встрѣчалось. Одинъ изъ этихъ офицеровъ съ чувствомъ искренняго расположенія вспоминалъ о бывшемъ директорѣ П. И. Носовичѣ, хотя былъ имъ исключенъ изъ гимназіи за вышедшія изъ предѣловъ терпимаго шалости. Тѣмъ не менѣе онъ не находилъ въ своей памяти ничего кромѣ хорошаго и добраго, когда говорилъ о Павлѣ Ивановичѣ.

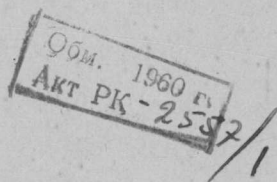
Когда П. И. Носовичъ скончался въ С.-Петербургѣ, то на его похороны съѣхалось много аракчеевцевъ изъ другихъ городовъ и толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ провожала гробъ до могилы. Всѣ участники этого печальнаго событія помнятъ внушительную картину, когда печальную

колесницу съ тѣломъ усопшаго Павла Ивановича окружало множество его питомцевъ, начиная отъ кадетскаго мундира малопѣтнихъ до генераловъ убѣленныхъ сѣдинами съ неподдѣльнымъ горемъ жалѣвшихъ этого прекраснаго человѣка.

Что касается меня лично, то я всегда вспоминаю о Павлѣ Ивановичѣ съ глубокою признательностью. Во второмъ классѣ я такъ распустился въ шалостяхъ, выказывая такое упрямство и нежеланіе сколько нибудь исправиться, что наконецъ мнѣ пригрозили исключеніемъ изъ гимназіи. П. И. Носовичъ, зная, какъ я люблю свою матушку, обратился къ ней съ письмомъ по этому поводу, и, когда моя мать пріѣхала въ Нижній Новгородъ, то я былъ вызванъ на квартиру директора. Здѣсь въ присутствіи моей матери, онъ выяснилъ мнѣ всѣ тяжелыя послѣдствія исключенія. Его отеческое внушеніе такъ серьезно обставленное, убѣдительное и ясное, въ формѣ понятной и доступной для моего возраста, въ связи съ горемъ моей матери при мысли, что я лишусь ученія на казенный счетъ,—сильно подѣйствовало на меня. Я далъ Павлу Ивановичу слово исправиться и сдержалъ его. Въ третьемъ классѣ я былъ уже изъ первыхъ учениковъ, окончивъ гимназію пятымъ, что вмѣстѣ съ высокою отмѣткою по математикѣ дало мнѣ

право поступить въ Михайловское артиллерійское училищѣ въ Математическое отдѣленіе въ 1875 году. При разставаніи съ Нижегородскою военною гимназіею и Павломъ Ивановичемъ я получилъ отъ него на память небольшое Евангеліе въ темномъ тисненной кожи переплетѣ съ собственноручною надписью хорошихъ теплыхъ словъ. Эти слова соотвѣтствовали тѣмъ преданнымъ сердечнымъ чувствамъ, которыя жили во мнѣ тогда къ Павлу Ивановичу и по сію пору просыпаются при воспоминаніи о миломъ нашемъ директорѣ и человѣкѣ.

К. С. З—а.



1913 25882

40.21.7422
2

Весь доходъ отъ продажи изданія поступаетъ въ пользу Кавказскаго Общества вспомошествованія нуждающимся Аракчеевцамъ.